

Анна Кениг

Шепот на границе

«Автор»

2026

Кениг А. А.

Шепот на границе / А. А. Кениг — «Автор», 2026

Сборник «Шёпот на границе» — это истории на стыке жанров: тёмное фэнтези, эротика, хоррор и социальная драма. Каждый рассказ — отдельный мир со своим голосом, ритмом и интонацией. Но все они об одном: о женщинах, которых загнали в угол. Их предали, использовали, списали со счетов, попытались сжечь, в прямом и переносном смысле. Им отвели роль жертвы. Но что-то пошло не так. Кто-то из них устал умирать. Кто-то вспомнил, что умеет хотеть. Кто-то бросился бежать. А кто-то — остался лежать. Здесь нет случайных героинь. Каждая из них — отражение силы, страха, желания и боли. Каждая попадает в ловушку. И далеко не каждая найдёт выход. Прислушайтесь. Шёпот уже начался. Содержит сцены насилия и откровенные эпизоды. 18+

© Кениг А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ведьма. Старая песня.	5
Садовник. В ритме его лопаты.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Анна Кениг

Шепот на границе

Ведьма. Старая песня.

— Сжечь ведьму!

О, эта песня. Старая, как мир. Я слышала её в каждой жизни. В каждом городе. В каждом веке.

Кричали громко, с чувством. Так громко, что у меня закладывало уши. Я стояла привязанная к столбу, верёвки впивались в запястья. Грубые, колючие, явно предназначенные для скота. Вокруг толпа. Злые лица, брызги слюны. Кто-то пришёл с детьми. Воспитывает. Приобщает к традициям. Какая трогательная забота о подрастающем поколении.

Верёвки стягивали запястья, но я почти не чувствовала боли. Я чувствовала скуку. Знаете это чувство, когда спектакль идёт по кругу, а ты единственная, кто помнит все акты наизусть? Я помню.

Я помню Вавилон. Мне тогда ещё не было и ста лет, почти ребёнок. Я только начинала понимать, кто я и на что способна. Там тоже любили огонь. Жрецы Мардука объявили меня демонией. Якобы я спала с царём, хотя я его в глаза не видела, а вот верховный жрец, который орал громче всех, как раз и посещал меня по ночам в храмовых покоях, дрожа от страсти и стыда. Но это, конечно, осталось за скобками. Кому интересна правда, когда есть хороший костёр?

С тех пор прошли тысячи лет. Тысячи лет, а песня всё та же. Меняются декорации, костюмы, языки, имена богов, но не мелодия. Рим. Александрия. Карфаген. Я горела в каждом из них.

И вот снова. Очередной город, очередная площадь.

Ко мне подошёл палач. Он не смотрел мне в глаза. Никто из них не смотрел мне в глаза. Им было страшно. Не за меня за себя. Вдруг ведьма проклянёт напоследок?

Палач ткнул факелом в хворост у моих ног. Сухие ветки занялись мгновенно. Толпа взревела. Пламя поднялось выше. Лизнуло мои щиколотки. Я приготовилась к привычному теплу, к ласке, которая всегда приходила вместо боли.

Огонь не жёг. Он ласкал. Узнавал. Так было всегда. Так будет всегда.

В толпе зашептались. Сначала робко, потом громче. Шёпот перерос в гул, гул в панику.

— Не горит! На ней даже платье целое!

Верёвки истлели за несколько секунд. Я медленно подняла руки. Свободные, невредимые. Потрепала волосы. Обвела взглядом толпу. По очереди. Каждого. Мужчину с красным лицом, который орал громче всех. Женщину с ребёнком на руках, которая кричала «сжечь» и прижимала дитя к груди. Палача, который выронил факел и теперь пятился, выставив перед собой дрожащие руки.

И улыбнулась. Хищно. Так, что несколько человек упали на колени, а кто-то закричал.

А потом я вышла из костра.

Пламя за моей спиной взревело и рухнуло, будто кланяясь. Оно расступилось живым коридором. Я шагала медленно, неумолимо, и каждый мой шаг отдавался в тишине гулом, словно сама земля била в невидимый барабан.

Вы не знали, с кем связались. Правда не знали.

Я остановилась. Оглядела их всех. Сверху вниз.

Человечество никогда не учится на своих ошибках. Никогда. Это единственное, в чём оно действительно постоянно.

Пришло время платить.

Садовник. В ритме его лопаты.

Я уже год удивляюсь, почему эти богатые люди купили дом именно на нашей улице. Наша улица не та, где стоят особняки. Наша улица — это старые дома с облупившейся краской, покосившимися заборами и травой, которую никто не косит, потому что некогда, или лень, или денег нет на нормальную газонокосилку.

Соседи тихие, с дорогими машинами, с идеальным газоном. У них даже трава пахнет деньгами. А у меня трава пахнет тем, что её никто не косил уже месяц. Ну, почти месяц. На самом деле полтора, но кому какая разница.

Но я отвлеклась. Речь не о них. Речь о нём.

Молодой парень. Лет двадцать, не больше. Светлые волосы, выгоревшие на солнце. Загар, который ложится ровно, без полос. Сначала я думала сын. Помогает семье стричь газон, подравнивать кусты. Бегаёт с секатором, как заправский садовник. Весь такой ухоженный, даже когда в рабочей одежде.

А потом я краем уха услышала разговор соседки с подругой.

— А он нам заодно и кусты подровнял. Такой милый мальчик, уже год у нас садовником подрабатывает, после колледжа.

После колледжа. Садовник. Не сын. Сам по себе. И меня что-то кольнуло. Нет, не так. Меня пронзило. Когда я в первый раз увидела его без толстовки. Он работал в майке. Жарко было. Руки не мальчишеские, нет. Взрослые, сильные, с рельефом. Он поднимал ветку, перерубал её одним движением, и мышцы перекачивались под кожей. Я смотрела. Не могла отвести взгляд.

Однажды он заговорил со мной.

Стоял с той стороны забора. В руке секатор. На губах улыбка, от которой у меня внутри всё перевернулось.

— У вас кусты разрослись, — сказал он. — Могу подровнять, если хотите.

И посмотрел на меня так, что я на секунду забыла, как дышать.

«Если хотите» — прозвучало как «я знаю, что вы хотите». И он был прав. Я хотела.

Не только кусты подровнять.

Я хотела, чтобы он вошёл в мой сад. В мой дом. В мою жизнь. Представляла, как его руки, которые сейчас сжимают секатор, сжимают мою талию. Как его пальцы, сильные и твёрдые, скользят по моей коже. Боже мой, Элени, опомнись. Тебе сорок, а не двадцать.

Я не девочка. Не должна краснеть от взгляда мальчика, который годится мне чуть ли не в сыновья. Но краснею. С каждым разом всё сильнее.

Муж ушёл. А у меня за два года никто к коже не прикасался. Никто не смотрел так, как смотрит этот парень. С голодом, которого он даже не прячет. Но у меня нет денег, чтобы оплатить его работу. Кошелёк пуст, как этот дом. Как я сама после ухода Янниса. Пуста, но ещё не мертва. И внутри всё ещё тлеет. Потому что, когда я вижу его руки, я чувствую, что тлеет. Что не всё потеряно. Что я ещё могу хотеть. Мужчину. Прикосновения. Глупо, правда? Но ничего не могу с собой поделать.

Я сижу на своей веранде. Она когда-то была уютной, с плетёными креслами, с горшками, где цвели петунии. Теперь здесь только я, старая кружка с отколотой ручкой и запустение. Кофе во рту горчит. Я пью его чёрным, без сахара, потому что сладкое закончилось ещё на прошлой неделе.

Он на границе участков. Без футболки.

Сначала я просто смотрела. Потом перестала себя контролировать.

Он не видит меня. Не может видеть, я в тени, на старом кресле, где сижу, поджав колени. Я всегда здесь, когда он работает. Это привычка. Или зависимость.

Он садит цветы. На их стороне, почти у забора. Его спина блестит от пота. Позвоночник как линия, по которой я хочу провести языком. Он дышит тяжело. Часто. И пританцовывает под музыку в наушниках.

Моя рука ложится на колено. Потом выше. Сама. Я не даю ей команду. Она знает, что делать. Она помнит, как хотеть. Даже когда мозг кричит: «Остановись, идиотка, он же молодой, он же не для тебя».

Я провожу ладонью по внутренней стороне бедра. Медленно. Он втыкает лопату в землю. Я закусываю губу. Он вынимает цветок из горшка. Мои пальцы находят ткань шорт. Мокрую. Потому что я уже давно мокрая. С того самого момента, как он снял футболку.

Я расстёгиваю пуговицу. Он пританцовывает.

Закрываю глаза и вижу его спину, его лопатки, эту ложбинку, по которой течёт пот. Мои пальцы внутри меня. Двигаются в ритме его лопаты. Он вбивает, я сжимаюсь. Он отрывает землю, я расслабляюсь. Он садит цветок, я стону. Тихо.

Я уже не знаю, где я. На веранде. В своём саду. В своей голове. Внутри себя. Я сжимаюсь сильнее, он поправляет наушник. Всё ближе. Я уже почти там. Ещё чуть-чуть. Лопата в землю. Мои пальцы внутри меня. Цветок в ямку. Пик. Сейчас. Сейчас. Сей

Он исчез.

Открываю глаза, его нет. На границе участков пусто. Лопата брошена. Цветы не посажены, несколько горшков так и остались стоять рядком. Только земля, солнце, и тишина. Ни души.

Чёрт.

Я убираю руку. Быстро. Медленно. Не знаю.

И тут рука на плече. Чужая. Тёплая. Пальцы длинные, твёрдые, пахнут землёй. Я не кричу. Не дышу. Не поворачиваюсь. Потому что знаю, что это он.

Он стоит за моим креслом. Наклонился. Его дыхание тоже частое, касается моего уха.

— Закончила? — спросил он. Голос низкий, спокойный.

Рука скользит с плеча на шею. Пальцы касаются пульса. Он знает, что он бешеный. И, кажется, ему это нравится. Я молчала. Не могла говорить. Потому что, если бы открыла рот, из него вырвался бы не ответ, а стон.

— Твой сад запущен, Элени, — шепчет он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.